

— Товарищи Юшков! Это все?

— Да, я!

— Оботрите, вместе пойдём.

— А, Франтиш Иванович, что я не узнаю вашего голоса? Ну, здравствуй! от куда именинник?

— Был у Бородавкина Якова Якова Андреевича. Заседали, советцем как проводили посылку. Возпросов много, а толку мало. Это не хватает, друзей не достают. Вещь елеяниной материи взяли на уток и как как мастреди на четыре десятка и ели.

— Так вам же ссуду дают.

— Ссуду?

— Да, да. Пятишку и Обер.

— Это хорошо. Тогда выйдём из помещения.

— Распоряжение посылки только сегодня. Иван Приронович еще не успел его объявить.

— Прекрасно, прекрасно! Тогда я вернусь обратно и скажу, что да что-то Конниа. Или Кей, дойду до дому, Мена и Мена что то болел, подтонул и отпустил. Какая чертовски темная ночь, казалось бы от снега какой-то фронт свет быт? а нет.

— Да, ночь темная, а какая машина шумит. Луна взойдет где-то около двенадцати часе. А впрочем, это от кей

Полно если и взойдет, вот какой морок,
Вузы нависли ельцовою тучи, все равно
не просветит.

— Спать можно и без лампы света.
— Правильно.

— А что там в Виллюстишке все
еще огни горят? Наверно Королеков сидит?

— Да конечно, но он сказал, что скоро
пойдет домой. Поняко вряд ли, так и
знай просидит до третьих петухов, как
это с ним характерно бывает. Работы у
него много, Дурацкий Иванов, вот
и сидит. При этом у него еще подми-
ная мажорганка - секретаря канцелярии
и РКП (б)

На колокольном раздаётся звон коло-
кола. Это кетивой суртой уже медленно
потом нац, долами спускается сема и
удалена все здание и здание, туда, где
степная простора Пленка темная
ночь, это звук стамовиди все тучи и
тучи, и наконец совсем не отпусти
существо.

— Что бы это значило? — спросил
звонкий Степанович, рядом стоявшего
с ним Междведева Дурацкий Иванова

— Это наверно газета здесь
своим крылом за веревку. — ответил

Курьеров Дурашвили и Ванов.
— Возвращаясь к тем же темам.

Не говоря о том, как карая знаменит, она пошла дальше.

На письменном столе, секретаря Домостроительного Ивана Трифоновича Королькова, горит звезда карасиковых ламп, на одной из них, что стоит с левой стороны, надет абитуриент темно-зеленого цвета, который придал яркий свет подлинной на бумаге. В кабинете Курьеров, слышны медленные тикают елочные часы. Вот они шумно зашумели и излучают активной энергии восемь часов вечера.

Иван Трифонович, просит отрезать светлый конспект «Звезды Курьеров» Натальей на желтой грубой бумаге, как в секретариате напечатать восточные вечерней печати. Он с большим вниманием просматривает кандидатуру Буланжу. Дело в том, что поддерживает ее содержание и кандидатура: кому ее надлежит исполнить. Он по партийному определению кандидатуру директиву, которая была в больших и малых количествах. Вот смысл их содержания. Вот кандидатура в этой же кандидатуре всего лишь несколько строчек, а сколько в ней вложено подпитки! «Сколько

организовано и работает ЛикДерев»
и земли бывшие церковные земли перепада-
ли трудящимся крестьянам» Иис.
и спонсоры бедняцких хозяйств освобожден-
ны от прокулаков» Подобных зако-
нов не было и не могло быть в доре-
волюционной царской России.

Иван Трифонович поленил какие были
указания тогда из Центральной Инспекции, на-
пример, предписывалось, что бы в учеб-
ные заведения принимали детей только
то и старше класса.

Так было в дореволюционной России.
Так стало при Советской власти.

Иван Трифонович видел собствен-
ными глазами: как менялся мир.
Как всё старое, дореволюционное уходит
в прошлое и появляется новое - Советское.
Организуется сельскохозяйственные кооперации,
товарищества по совместной обработке земли,
создаются детские дома для безпри-
зорников, где их кормят, одевают и учат
за государственной счет, бесплатные
взрослые учатся читать и писать, посе-
щают ликбезы, ограничивается эксплуата-
ция батраков, которые сейчас подта-
ют по трудовым соглашениям. Все это
радует, возбуждает и дает новый при-
лив сил в работе. Ивану Трифоновичу
кажется, что он стал моложе, что ему

Вотчина не сорок гелатин, а дводцать,
как и ввечию Степановичу, что он
вместе с ними только, что камаканай
жине. Вотчинает на пропол мойой жини,
той жини, что камаканай Великие
Ленинским и жомотным тировами втиса-
на в проурашину ДКД(С)

Иван Шрафкович встает из-за стола,
потому из угла в угол своего кабинета, по-
шел к окну, оторвал занавеску и титом-
то сказал: «Какая темная ночь. Он
задерживает занавеску, отходит от окна и
слова сам за стеной ухаживающе в ра-
Тотту.

В коридоре послышалась ^{приводил} какае слово-
ко. В кабинете секретаря вошли стирате-
контонник Иван, за его стиркой встала
Бонислая Владимка Дрос, он бесшумно по-
ложил их к перке и басовитно создал:

— Это для чинго. Надо покрепче
картонные перки, что бы заветря тем-
нее было заниматься. На дворе так
жестко похолодало.

— Похолодало говорить? — переотпро-
сил Иван Шрафкович

— Да, и крепко. Как-то сразу куде-
килось погода, какой-то час тому назад
было тепло и темно, а теперь ветерок-
рыжий такой. А ночь, темная-темная.
Даже как-то мутико становится,

К тому же собаки лают. Лают с какими-то протяжными завываниями. Раньше говорили, что если тишина ночи да вот так лают собаки, Будто бы к тревожному.

— Это северные. Расскажи-ка Аня, как живешь, что пишешь? Продолжаешь ли писать рассказы?

— Да, пишу. Большое вам спасибо.

— Спасибо не мне надо говорить, а Советской власти.

— А вы кто? Вы и есть самая настоящая Советская власть.

— Вы в какой год сюда приехали?

— В 1915-м

— Из Беларуси?

— Да, из Беларуси. Тогда нас беженцев приехали, комитет пятидесятки семей. Земли нам не давали. Никто ни как не работал. Работали у богатых на починке работ за кусок хлеба. До Советской власти нас за людей не считали. А теперь совсем другое дело и земли дали и предоставили землю. Теперь только жить, да поживать.

— Ну, что Аня, как поживаете, не пора ли на отдых? Приберу бумагу и пойду спать, а завтра со светлейшей головой снова за работу — скажи Ивану Трифонову.

Старом-контонник Юхновский
Иван, Наталье потуже шапку, взды